

Притча о первом бже

*Бог умер — человек свободен.
Фридрих Вильгельм Ницше*

Мой первый бог был преданней второго,
в дела не лез, нотаций не читал,
полезным был, что дойная корова
в деревне, где цинга и нищета.

Корова — вещь, нужнее нет скотины,
но скисло у буренки молоко.
Мой первый бог сгорел от scarлатины
и схоронился в кущах облаков.

А я остался — чахлый подорожник,
растущий беспризорно под горой.
Пришел другой, шепнул: «Привет, безбожник».
Пошляк трансцендентальный — бог второй.

Я горевал, расплющенный потерей,
а свежий бог — ну, вылитый Ваал —
бубнил псалмы о долге и о вере,
и между делом зелье подливал.

Я пил и ел из рук второго бога,
«спасителю» заглядывая в рот,
а пастырь ненавязчиво, но строго
меня корил и брал в свой оборот.

Мы со вторым скопили кучу денег,
они лежат в копилках и в мешках,
как вдруг в душе открылось прободенье,
я стал чураться жадного божка.

Карманный рай — придумка для безумцев,
а мой второй на шутки ядовит.
Я с ним борюсь, как бедный Томас Мюнцер,
а он лишь попрекает да язвит.

Мой третий бог (менять имею право),
конечно, будет лучше, чем второй.
Когда богов несметная орава,
когда богов неистребимый рой...

Всегда есть выбор, есть всему замена.
Последний оказался не по мне.
Назло второму выкуплю из плена
покладистого бога, поскромней.

Их много на истоптанной дороге,
примечу нужного случайно — подниму.
Но думаю о нем — о первом боге.
Люблю его, скучаю по нему.

Я не был здесь столетий сто

Деревня, липы за мостом,
храм с покосившимся крестом.
Ничейный храм, когда-то — божий.
Господь молчит столетий сто,
но, что отрадно, дьявол все же
сюда не смеет глаз казать.
Пасется во поле коза,
покос на пойменном лугу,
и мой отец в льняной рубахе
на пожелтевшем берегу
скирдует сено. Тенью птахи
я пролетаю над крестом.
Вот дом родительский и липа,
корова с задраным хвостом.
Я не был здесь столетий сто,
с тех самых пор, когда от гриппа
вдруг
в детстве
умер.

Пир

Остатки ужина на блюде,
кутья, селедочный скелет.
Вокруг стола тоскуют люди.
Никто не помнит — сколько лет,
оборотившись в манекены,
сидят в прострации они,
как будто вирус патогенный
остолбевающий проник
в нутро сквозь пористую кожу
и, выев смачные места,
и мозжечки, и души тоже,
врасплох пирующих застал.
В необратимом коматозе
их жизнь неспешно потекла,
лишь вилки медленно елозят
по дну посудного стекла.

Смотрите — жалкий побирушка
здесь ошивается с мощной.
Какая скучная пирушка,
какой я шустрый и смешной.

Кот Баюн

В который раз я пал в бою
за дело правое, и снова
ко мне приходит кот Баюн
из мракобесия лесного.
Садится рядом и урчит,
и смотрит пристально-зловеще
на мой копьём пробитый щит,
на плоть мою, что стала вещью.
Душа стремится в облака,
меня негромко окликает..
Кот станет кровь мою лакать,
когда умру я.

Все.

Лакает.

Не через год, не через два,
а через сотни тысяч «через»,
когда прогнившая листва
мне отрастит скелет и череп,
я вдруг воскресну и в бою
паду от вражеской десницы.
В который раз мне кот Баюн
на смерть грядущую приснится.

город эN-ск

в нашем городе нет крематория
и усопшие мирно покоятся
на отчерченных им территориях
кто на улице кто за околицей
в нашем городе нет планетария
астрономы осели в столициях*
но зато есть девицы при талиях
и по-прежнему с нами милиция
обделен городок наш музеями
вернисажами парками скверами
и с балконов от скуки глазеем мы
на прохожих с дурными манерами

но что странно при этом убожестве
есть пятнадцать церквей нетерпимости
проповедников разных во множестве
и тюрьма беспредельной вместимости

Аккумулятор

*Исповедовал Иоанн истину в сухом дереве и воде:
Был я в поле, видел мертвых; у мертвых зубы не болят.*

Налево — поляна, пасутся телята,
направо — строения и гаражи,
а в боксе заброшенном аккумулятор
больной и разряженный вусмерть лежит.

От влаги и грязи окислены клеммы,
до дна улетучился электролит,
отпали дилеммы, забыты проблемы,
ничто не волнует, нигде не болит.

Мерцает слезящийся глаз-индикатор,
свинцовые ребра прощально фонят.
Хозяин — заслуженный реаниматор —
четвертые сутки спасает меня.

Но я где-то там — на ромашковом поле —
хожу и считаю пятнистых телят.
Как странно, ребята, не чувствовать боли.
У мертвого зубы уже не болят.

---

* Слово приводится в авторской орфографии.

Элементарная частица

*И прах наш, с строгостью судьбы и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом.
М. Ю. Лермонтов*

До свиданья. Я не там, не здесь,
где-то, не далеко и не близко.
Не сижу в родительском гнезде,
не ползу червем по борозде,
не лежу под черным обелиском.

Распылился на сухом ветру,
высох перед тем, как расплыться.
Недовольных повсеместно трут,
подневольных иссушает труд,
а у сталеваров сохнут лица.

Не страдал, не числился рабом,
не работал у станка и в штольне,
не долбился в стены глупым лбом,
в караулах не стоял столбом.
Просто вусмерть утомился, что ли.

Помню, что-то схлопнулось внутри.
Не успел к обеду причаститься,
глядь — пошли по коже волдыри,
волдыри надулись в пузыри.
Бац! — элементарная частица.

До свиданья. Я теперь не здесь.
Там, где нет разведанного брода,
на околевающей звезде
превращаюсь в атом водорода.
Рядом вещи сохнут на гвозде.

Сложите жалкие пожитки

Сложите жалкие пожитки,
оставьте ужин на столе.
Суп из конины сварен жидкий
и черствым оказался хлеб.
Закройте кран водоразбора,
проверьте газовый баллон.
Под коврик ключ (мечта для вора).
Идите прочь, ступайте вон.

На полусогнутых, вприпрыжку,
на колченогих костылях,
забыв про астму и одышку,
оставив боль, отринув страх...

И, подойдя к озерной глади,
отбросьте тапочки в кусты.
Нырять с берега, в прохладе
забыться можно и остыть.

Богадельня

Назойлив запах нафталина
и от людей, и от вещей,
старухи бродят в кофтах длинных,
спит старичок — седой «кошей».

Молчат с улыбками благими,
как будто тайну берегут
о том, что дальше будет с ними
на незнакомом берегу.

Все совершили, все сказали
и, в узелок собрав года,
как пассажиры на вокзале,
ждут отправления туда.

Памятник

Остолбенел я — лоб чугунный,
во рту золотые удила.
Ко мне приходят ночью гунны
вершить потребные дела.

Они смеются и лопочут,
бросают камни из пращей,
едят и пьют, и метят почву,
и сквернословят, и ва-аще...

А я молчу, смотрю на гуннов,
на их верблюдов и ослов,
но разомкнуть не в силах губы,
не то — сказал бы пару слов.

Что слышно об экспедиции Лаперуза?

*Братец, скажи, что слышно об экспедиции Лаперуза?
Людвик XVI — палачу*

Здоровый аппетит в конце пути,
достану помидоры из котомки
и метров эдак с двадцати пяти
пошлю улыбку странной незнакомке.

— Ну, здравствуй, пустоглазая, встречай,
ослобони болезного от груза.
И между делом, как бы невзначай,
спрошу о новостях про Лаперуза.

Глазами теленка

Гордись говяжьей худобой,
идет корова на убой.

Но все в порядке у коровы,
в глазах — подобие вины.
Глаза хозяина суровы,
глаза его жены больны,
детки сыты и здоровы.

Отряд куриных «на ура»
в атаке с ходу делит крошки.
Буренка посреди двора
роняет скорбные лепешки,
вдогон хохочет детвора.

Сосед, зевая, крестит рот.
Дворовый пес — цепной урод —
из солидарности зевает,
хвостом отчаянно крестясь.
Прокисла ванна грязевая,
в ней, шкурой впитывая грязь,
злорадно хрюкает свинья.
А рядом я, смотрю и я,
набычив шею, на картину —
в последний путь ведут скотину.

Из поднебесья чуден вид.
С невозмутимостью эстонца
на скотный двор глазееет солнце —
полезный шарик-ундевит.

Желаю счастья

Из-за простой бракованной детали
наш звездолет не сможет возвратиться
к родной Земле. Я больше не увижу
улыбку сына, горы, дали, реки,
как тает снег и птица пролетает.

А слесарь, запоровший полумуфту,
живет привольно, ходит на рыбалку,
жену целует, бегаёт на лыжах,
стихи слагает о родном заводе.
И все же я ему желаю счастья...

Сантехник Карпухин

*Душа человека — величайшее чудо мира.
Алигьери Данте*

Сантехник Карпухин — осанистый и плечистый,
кого забавляли люмпены-трубочисты,
к вечеру перед ужином вдруг занемог.
Сушила плоть фебрильная температура.
И виделся хворому, нет, не морг,
не трубы дюймовые, не запорная арматура.

Уводила болезного в сизую даль мечта
светлая, чистая, вычитанная в каком-то там классе.
Ну кто из мальчишек героику не читал...
Вспомнился греческий анабасис.

Карпухин третьим стоял в шеренге фаланги,
на правом ее, усиленном конницей, фланге.
Палец, уколотый проржавленным тросом, ныл,
думалось — заживет, чепуха, трали-вали.
Магеллановы каравеллы с девятой волны
падали в бездну и в небо из бездны взмывали.

Лихорадило все сильней, и сильней, и сильней.
Доложено цезарю: снова восстали даки.
Рядом стояли Мюрат, Даву и бесстрашный Ней
в ожидании приказаний и начала атаки.

На табурете в кружке — подернутый пленкой бульон,
грязная роба в сторонке свалена ворохом.
Сантехник, уже отходя, лично повел в бой батальон —
лихих трубочистов, пропахших победой и порохом.

Там

Там вакуум сгущается в желе,
А время осязаемо на ощупь.
Там никого не следует жалеть,
Добро и зло понятнее и проще.

Я обошел тот мир за шагом шаг,
Бродил в нем оболочкой пустотелой.
За мной, как верный пес, плелась душа.
Душа меня покинуть не хотела.

Чудно́ смотреть в себя со стороны,
Не удивляясь истинам без смысла,
Тому, что нет ни мира, ни войны
И память молоком вчерашним скисла.

Я глиной был, податливым, без сил.
Я — пластилин, я — разогретый стронций.
Меня от жизни ветер уносил
Туда, где нет луны и звезд, и солнца...

Иерихонские в тоннель влекли гудки,
И мерзкие вокруг роились твари.
Но тут душа — калека без руки —
Меня схватила больно за грудки
И прошептала: надо жить, товарищ.

